

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС: ФАКТОРЫ ОБОСТРЕНИЯ

Малюкова О.В.,

научный руководитель канд. филос. наук Бороноева Н.А.

Сибирский федеральный университет

В ряду глобальных проблем современности можно назвать проблему не менее важную, чем экологический и другого рода кризисы, а именно: антропологический кризис. Исследователями отмечается, что дальнейшее развитие глобалистики будет связано с осмыслением природы и сущности самого человека. Современный антропологический кризис представляет собой явление, о котором отчетливо начали говорить и писать на рубеже XX–XXI веков.

Научные технологии открывают перед человечеством фантастические перспективы. Опасность их в том, что они грозят трансформацией человека и человечества. Возможности клонирования, создания искусственного интеллекта, сращивания человека и компьютера, ожидаемое достижение нанобессмертия, эксперименты над человеческим телом как основой идентичности человека, трансплантация чипов и т.п. подводят человечество к грани осязаемой катастрофы. Идёт разрушение генофонда человечества: люди, страдающие генетическими заболеваниями, производят потомство, и мораль исключает применение каких-либо форм селекции. Так возникает проблема роста числа наследственных заболеваний, вредных мутаций. В России в конце XX столетия уровень рождаемости детей с генетическими отклонениями достиг 17%. Именно в этих условиях гуманитарная наука ставит вопросы о человеке так, как не ставила никогда.

Мысль и общество продолжают, подобно Диогену, пребывать в поисках человека. Немецкий философ Иммануил Кант поставил во главу угла великий вопрос - "Что есть человек?" Этим он, по сути, возвестил начало конца классического мира и классической философии. Кант уловил то, что в своём историческом движении человечество вступает в эпоху дегуманизации. Если взглянуть на то, как философия современности оценивает саму современность, то можно заметить преобладание пафоса тревоги, негативизма, растерянности или воинствующего нигилизма. Антропологический кризис, кризис легитимностей, восстание масс, кризис самоидентичности, технизация мышления, экзистенциальный вакуум - вот лишь те немногие характеристики, данные современному европейскому человечеству.

Проявлением антропологического кризиса является агрессия. События последнего времени - погромы на рынках, массовые беспорядки - позволяют говорить о серьезном социальном явлении и требуют его серьезного объяснения. Ибо во всей череде кризисов оказался незамеченным главный кризис - антропологический, связанный со злокачественной мутацией самого человеческого типа. Причиной этого кризиса послужил "модернизационный шок", порожденный процессом распада традиционной патриархальной культуры, освободившим деструктивные и антисоциальные импульсы.

Для объяснения всплеска агрессивности молодежи наиболее подходит концепция природы человеческой агрессии, предложенная Эрихом Фроммом. Исследователь не связывает проявления человеческой агрессивности только с раскрепощением "инстинктов", полагая, что объяснение их истоков "следует искать не в унаследованном от животного разрушительном инстинкте, а в тех факторах, которые отличают человека от его животных предков. Главная проблема состоит в том, чтобы выяснить, насколько специфические условия существования человека ответственны за возникновение у него жажды мучить и убивать, а также от чего зависит характер и интенсивность удовольствия от этого". В подобных условиях социальное недовольство молодых, вызванное феноменами

наследственной бедности, бесперспективности, отсутствием равных стартовых условий и др., принимает форму войны против общества и опирается на "альтернативные ценности".

Если попытаться отследить момент начала развития антропологического кризиса в истории человечества, то можно выявить еще одну причину – великая экономическая депрессия рубежа 1920-1930-х гг. на Западе. Кризис европейской культуры перешел в новую стадию, которая была порождена I мировой войной. Наложившись на предшествующие социальные катаклизмы, эта депрессия привела к тому, что кризисная ситуация стала осознаваться и переживаться миллионами людей, то есть стала носить массовый характер. У. Фолкнер описывает характерное для этого периода мироощущение: "Это героические и сентиментальные воспоминания об утраченном благородстве, сознание существа, обреченного на слишком краткое существование, чувство, что тебя одолевает новый мир с его чуждыми законами, чувство, что ты продолжаешь свое животное прозябание без смысла и достоинства. Современность накладывает черты вечности на бедность, нужду, порочность, мошенничество, алкоголизм, грубость, кулачное право, техническое обесчеловечение, религиозную извращенность, изнасилования, кровосмешение, проституцию, садизм, убийство, самоубийство, идиотизм". Известный немецкий социолог К. Манхейм охарактеризовал эту ситуацию следующим образом: "Общая тенденция массового общества к утрате определенного направления наиболее ясно наблюдалась в послевоенной Германии, где в первую очередь инфляцией были уничтожены и атомизированы прежние средние слои. Выброшенные таким образом из своей социальной системы группы были подобны неорганизованной массе, которая лишь случайно может проявить склонность к интеграции. В этой ситуации возникла неведомая раньше интенсивная раздражительность и восприимчивость по отношению к новым формам переживания и опыта, но был утерян всякий шанс длительно сохранять определенный характер".

Сначала основу этого кризиса видели в том, что правление государства не отвечало воле общества. Затем говорили о кризисе культуры как о распаде духовности. В итоге выяснилось, что речь идет о кризисе человеческого бытия. Глубинную суть этого кризиса испанский философ XX в. Хосе Ортега-и-Гассет видит в выдвигании на историческую арену нового феномена - "человека массы". Неожиданно оказалось так, что перед нашими глазами предстала эпоха всеобщего нивелирования. Ортега отмечает, что нивелирование охватывает все: нивелируются судьбы, нивелируется культура различных социальных классов, нивелируются даже половые различия. Наступает господство "среднего человека", господство "человека массы". Восстание масс может стать катастрофой, достаточно тридцати лет господства "человека массы", чтобы вернуть человечество к эпохе варварства, считает Ортега.

В самом существе кризисной эпохи ведущей стороной оказывается именно кризис европейской модели человека. Эта модель сегодня расщепилась на множество разных моделей. Так появился фрейдистский человек, скиннеровский – крысо-подобный человек, репертуарно-ролевой человек, человек потребляющий, человек играющий.... Кажется, что объем существующих и возникающих проблем начинает превышать не столько технический потенциал цивилизации, сколько уровень понимания, интеллектуальные, эвристические, творческие способности человечества. Наше сознание не успевает за событиями и явлениями. Мы не понимаем (в лучшем случае понимаем не вполне), что происходит. А раз не понимаем, то и не можем управлять происходящим.

Возникает закономерный вопрос о взаимосвязи между общим интеллектуальным состоянием человечества и массовой системой образования. Общеизвестно, что массовая школа является механизмом порождения массовой культуры. Роль культуры состоит в том, что она даёт человеку основные понятия и базовые принципы, с которыми он сопоставляет своё восприятие внешнего мира. Она выступает в качестве смыслового гаранта целостности человека. Культура современного человека «мозаична», что обуславливает погружённость

индивидуума в хаос понятий, в поток разрозненных, неупорядоченных сообщений. Потеряв себя, как теряет себя часть, занявшая место Целого, отпав от самого себя, человек из цели превращается в средство, в «человека-машину». Это некий кентавр – человеко-машинное создание. Сейчас очевидно, что прорывы человеческого интеллекта, всё шире используемых искусственных информационных систем (ИИС) приходят в противостояние с человеческой природой. Мышление превращается в приобретенные навыки, осознание – в операциональность, понимание – в исчисление. Открытость миру и истине вытесняется оперированием готовыми идеологемами и стереотипами. Человек перестаёт считать, развивать память, читать, писать и т.д. Формируется «закрытое сознание».

Избыточность информации ведет к тому, что человек, будучи не в состоянии усвоить ее растущие объемы (в силу ограниченного объема памяти, физических возможностей), включает защитные механизмы своего организма. Сознательно или бессознательно он «бежит» от информации или ограничивает ее потребление, начинает относиться к ней избирательно (читать не все подряд, смотреть только нужные на его взгляд телепередачи). Некоторые просто не покупают телевизор.

Из огромного количества информации только часть является практически полезной, позитивной, может быть использована в деятельности человека в целях созидания и прогресса. Такая информация обретает статус «знания» и становится основой обучения. А ложная информация? А ошибочная? Она не просто «засоряет» сознание людей, но и дезориентирует их деятельность. История знает, что с помощью ложных идей, знаний и органов пропаганды в XX веке заблуждались не просто люди, но целые народы.

Мы получаем истину в качестве готового сообщения о чужом умственном усилии. Вся информационно-техническая рациональность, технологическое мышление нашей цивилизации отвечают только на вопрос «как?»

Разнообразные проекты «посткризисного общества» свидетельствуют о растущей «метафизической немощи» человека и о том, что человечество утрачивает контроль над собственной эволюцией, над своим способом бытия. Следуя логике информационно-технологических революций, человек создал искусственную среду обитания, «безбытийную реальность». Человечество недооценило все социальные, психологические, культурные и другие негативные воздействия информационных революций.

Очевидность кризиса в том, что жизнь вытеснила смыслы, всяческую аксиологию сделала избыточной. Производство спроса на смысл – вот главная проблема общества. Трансформация и утрата уже сейчас таких стержневых структур бытия, как смысл жизни, цель и ценности жизни, стали "глобальными" проблемами практически во всех развитых странах мира. Поиск ощущений и удовольствий (положительных или условно положительных), как заместителей утраченного смысла приведет к новому витку преступности, наркоманий, алкоголизма и насилия, а также развитию так называемых "экстремальных" видов "отдыха" и "развлечений", которые уже сейчас заявили о себе в "полный голос".

Открытое тоталитарно-технологическое общество притупляет рефлекссию, игнорирует мыслящее мировоззрение. Неконтролируемый поток информации, «информационный шум» (неупорядоченная, некачественная или недостоверная информация) составляет около 80% сведений, потребляемых современным человеком. Поставляется такая информация в основном СМИ. Итогом потребления является постоянный стресс, испытываемый человеком, и дезориентация в информационном пространстве. В результате развития и всеобщей доступности информационных технологий возникают новые агенты социализации, которые начинают доминировать над традиционными. Как известно, «стартовые» идеалы и ценности гражданина общества берут начало и формируются именно в образовательно-воспитательном пространстве. Образование же перестаёт быть личностным, собственно человеческим, превращаясь в автоматизированное, компьютерно-электронное. Российское

образование, ориентированное сегодня на формирование «функционально грамотного человека», инициирует отчуждение от творчества и отрицает, так или иначе, значение таланта. В будущем это может привести к разделению общества на узкий круг интеллектуалов («нетократия» - по А.Барду и Я.Зодерквисту) и всех остальных, умеющих выполнять лишь простейшие в профессиональном смысле мыслительные операции. Функции образования сводятся к экономической эффективности. Тот факт, что по итогам 2010-2011 учебного года отечественные вузы впервые оказались не представлены в сотне лучших образовательных учреждений мира, говорит о многом.

Развитие информационных технологий – условие распространения консьюмеризма, поскольку информация – средство, с помощью которого корпоративный капитализм убеждает людей, что потребление – существенный элемент их образа жизни. Используются технологии соблазна. Не надеясь на улучшение своей жизни каким-либо эффективным способом, люди убеждаются в значимости психологического самосовершенствования, потреблении здоровой пищи, обучении балету или танцу живота, погружении в восточную мудрость... Безвредные сами по себе, такие действия, поднимаемые на уровень жизненной программы, свидетельствуют об отходе от политики, - отмечает социолог постмодерна З. Бауман, указывая на переход от значимых вещей, находящихся за пределами от сферы влияния человека, к менее значимым или вовсе ничего не значащим, с которыми легко иметь дело и которыми человек в силах управлять. Возможно, это и есть феномен *отчуждённой активности*.

Ониомания («шопоголизм»), тяга к пагубным привычкам, соблазнам разного рода и т.д. можно рассматривать как «жажду целостности». Утрачивая свои политические качества, человек информационного общества превращается в потребителя «хлеба» и «зрелищ», происходит исчезновение Гражданина. На авансцену истории выходит Потребитель в антропологическом смысле, человек с жизненной ориентацией «иметь», а не «быть» (Э. Фромм). Идентификация с вещами придаёт смысл существованию человека в нашу эпоху. Чем дороже и ценнее вещь, тем больше я значу.

Ответом на невозможность влиять на общественно-политическую жизнь стал уход в игроизированные жизненные практики, выбор игроизированного стиля жизни. Человек выступает лишь пассивным материалом чьей-то востребованности и технологии (маркетинговой). Проблема личности заключается в том, чтобы реализоваться как некоему бренду. Как пишет Г.Л.Тульчинский, единственным работающим критерием успешности ... является степень достигнутой известности и узнаваемости личности-бренда, как товара, продаваемого на рынках массового потребления, включая политический рынок. Личности в обществе с помощью манипуляций можно придать смысл, не связанный с её реальной сутью. Доминируют имитации и фальсификации. Уже появились исследования, в которых прямо изучается имитация инновационной деятельности в России.

Таким образом, факт расщепления человека отмечается во всей структуре современной жизни. Личность воплощает в себе наиболее активные тенденции социальных и политико-экономических трансформаций, глубинный потенциал развития общества и государства. И это актуализирует обозначенную тему. Каковы средства противостояния вышеназванным процессам? Во всяком случае, это - формирование гражданского общества, формирование патриота, Гражданина своего Отечества, осмысленная государственная политика идентичности (гражданской), наличие полноценной элиты, задающей образцы нравственного, интеллектуального и эстетического плана, а также внятная культурная политика, направленная на поддержку социально и гуманитарно значимых видов деятельности.